

ПРАВОСЛАВНОЕ МОНАШЕСТВО МОГИЛЕВСКОЙ ЕПАРХИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Любовь Василицына
Витебск, Беларусь

В статье представлена социодемографическая характеристика монашеских общин Могилевской епархии в первые годы установления советской власти. Проанализированы количественный и половозрастной состав монашествующих, их образовательный уровень и степень мобильности. Определены основные тенденции.

Ключевые слова: Церковь, монашество, монашеская община

Октябрьская революция и установление советской власти на территории Беларуси привели к преобразованиям в общественно-политической и социально-экономической сферах. В правовом статусе и имущественном положении Русской православной церкви произошли коренные изменения, которые естественным образом отразились на положении и деятельности монашеских общин. Могилевская епархия занимала лидирующую позицию из пяти белорусских православных епархий, существовавших к 1917 г., по численности монастырей и содержала в своих границах 13 из 27 православных обителей. На примере монастырей Могилевской епархии предпринята попытка отразить основные характеристики монашеских общин на белорусских землях в этот период. Цель работы: проанализировать состояние монашеских общин Могилевской епархии в первые годы советской власти.

Результаты и их обсуждение. Декретами «О земле» от 26 октября 1917 г. и «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 года, религиозные организации, в том числе православные монастыри, лишались всего движимого и недвижимого имущества, а также прав юридического лица [5, с. 13]. Только зарегистрировавшись, церкви и монастыри могли получать по договору на условиях бесплатного пользования здания и предметы, предназначенные для богослужебных целей. Не предназначенное для богослужебных целей имущество и земли предписывалось передавать местным Советам [2]. Именно экономическое и административное давление на церковь, а не антирелигиозная пропаганда,

стало доминантой религиозной политики на начальном этапе становления советской власти. Однако по причине неравномерности установления власти Советов по губерниям и уездам, а также учитывая обширный круг экономических и социальных проблем первых послереволюционных лет, православные монастыри некоторое время имели возможность осуществлять свою деятельность.

На территории Могилевской епархии к 1917 г. было 7 мужских и 6 женских монастырей. В январе 1919 г. Могилевская губерния вошла в состав Советской Социалистической Республики Беларусь. Однако в том же месяце в числе двух других (Смоленская и Витебская) она была исключена из состава ССРБ. В апреле 1919 г. территории, ранее входившие в состав Могилевской губернии, вошли в состав новообразованной Гомельской и Смоленской губерний РСФСР, и частично были возвращены БССР только в 1924 г. [1, с. 109].

Накануне революционных событий общая численность монашествующих Могилевской епархии достигала 690 человек. При этом количество насельниц в женских монастырях в разы превосходило количество проживающих в мужских обителях.

В 7 мужских монастырях Могилевской епархии к 1917 г. проживало всего 157 насельников. Средняя численность насельников в штате одного монастыря составила 26 человек. Согласно клировым ведомостям наибольшее количество насельников находились в сане иеромонаха – 62 человека. К категориям иеродиакон, монах, послушник относилось приблизительно равное количество проживающих – от 20 до 27 человек. Следует отметить достаточно молодой средний возраст не только мужчин, готовящихся вступить в монашество – 28–38 лет, но также и непосредственно монашествующих (категории «иеромонах», «иеродиакон», «монах») – 35–45 лет. Характерно наличие такой категории как «призреваемые». К ней относились проживающие при монастырях, но не входящие в состав братии пожилые мужчины, а также дети. Например, при Оршанском Богоявленском Кутеинском монастыре находилось под опекой 30 стариков, а в Неклюдовской Борисо-Глебской пустыни – 7 стариков и 5 мальчиков-подростков [4, лл. 3–22, 40–49, 54–65, 66–69, 88–99].

Численность насельниц 6 женских обителей Могилевской губернии в том же 1917 г. составляла 534 человека. Следует отметить приблизительно равное количество проживающих в каждом монастыре – от 93 до 100 человек. Исключение составили Мазоловский Вознесенский монастырь,

количество проживающих в котором равнялось 64, и Мстиславльский Тупичевский Свято-Духов монастырь, где проживало 80 сестер. Во всех без исключения женских монастырях епархии наблюдалась закономерность, согласно которой количество послушниц и лиц, готовящихся к принятию монашества, более чем в два раза превосходило число постриженных в монашество. Общее соотношение: 354 послушницы и 114 монахинь. При формировании отчета о проживающих в некоторых монастырях вводились нестандартные наименования категорий. Например, стандартная категория послушниц в Мстиславльском Свято-Духовом, Мазоловском Вознесенском и Чонском Успенском монастырях делилась на рясофорных послушниц и собственно послушниц. В Барколабовском Свято-Вознесенском монастыре эта категория называется «состоящие на испытании». Возрастной состав закономерно был неоднороден. Основное количество монахинь находилось в возрасте от 55 до 70 лет, послушниц – от 20 до 40 лет [4, лл. 103–127, 129–139, 146–157, 165–175, 180–191, 192–200].

По происхождению подавляющее число насельниц женских монастырей были крестьянками. Например, в Буйничском монастыре их было 90 из 99 человек [4, лл. 129–139]. Редкостью в клировых ведомостях были категории «дворянка», «мещанка», «из духовного звания», дочери и жены военных. В Мстиславльском Тупичевском монастыре 69 из 80 насельниц в графе происхождения имели запись «из граждан» [4, лл. 146–161].

Проживающие в мужских монастырях также преимущественно являлись крестьянами по происхождению (95 человек из 157). Но по сравнению с женскими обителями наблюдалась большая дифференцированность: 3 монашествующих были дворянского происхождения, 13 – мещанами, 8 – из семей духовенства, 3 – представителями казачества, 1 из семьи чиновника. Такой характеристики как «из граждан» в списках мужских монастырей не встречалось.

Почти все проживающие в женских монастырях Могилевской епархии являлись уроженками Могилевской губернии. Яркий пример – Буйничский Свято-Духов монастырь, где местными были 100% насельниц. В других монастырях встречались представительницы Смоленской, Черниговской и Самарской губерний.

Среди насельников мужских монастырей также преобладали выходцы из Могилевской губернии, однако широко представлены были и другие: Минская, Гродненская, Смоленская, Московская, Киевская, Курская, Калужская, Подольская, Полтавская, Воронежская, Екатеринославская. По-

казательным в этом плане являлся Оршанский Покровский монастырь, к которому были приписаны выходцы из 9 губерний [4, лл. 54–65].

Как известно, кандидат на принятие монашества некоторое время проводит в подготовке к этому. В данный период человек не только решает, действительно ли он готов к такому шагу, но также и выбирает монастырь, в котором хочет жить и трудиться. Обычной практикой является смена нескольких монастырей, в поисках «своего». Что касается монашествующих Могилевской епархии в рассматриваемый период, то для женской его части характерна большая статичность. В большинстве случаев насельницы начинали свой послушнический и иноческий путь непосредственно в указанных монастырях. Для проживающих в мужских монастырях была характерна большая мобильность, зачастую в монастыри насельники поступали переводом из других монастырей, и даже других епархий. Например, из Киевского монастыря в Могилевскую епархию было переведено 14 человек, из них 9 – в Оршанский Покровский. Иногда монахов постригали и переводили внутри епархии. Например, в Бельничский поступило 3 человека из Могилево-Братского монастыря, в Оршанский Покровский – 3 из Неклюдовского Борисо-Глебского.

Образовательный уровень насельниц в целом был неоднороден, однако демонстрировал результаты тенденции к понижению образованности, связанной с «окрестьяниванием» монашества. В большинстве случаев сестры имели домашнее образование, либо обучались чтению и письму при монастыре. Единицы окончили городские, сельские, народные, частные или приходские училища. Всего 8 человек из общего количества окончило церковно-приходские школы. Например, в Буйничском монастыре 97 человек обучалось чтению и письму в монастыре, а в Мстиславльском Тупичевском – 46 из 80 имели домашнее образование [4, лл. 146–161]. Следует отметить, что из общего количества монашествующих женских монастырей всего 13 человек были полностью неграмотны, 9 из них проживали в Оршанском Свято-Успенском монастыре.

Среди мужского монашества епархии полностью неграмотными было 11 человек, что, учитывая разницу в количестве насельников мужских и женских монастырей, является в разы большим процентом. 10 из них проживали в Неклюдовском Борисо-Глебском монастыре, там же числилось еще 20 человек с домашним образованием. Обучение чтению и письму в монастыре не проходил ни один насельник мужских монастырей. Достаточно большой процент монашествующих получили образование в

церковно-приходских школах, народных и городских училищах. Только несколько человек окончили другие учебные заведения (Московский кадетский корпус, военную фельдшерскую школу, учительскую земледельческую школу). Например, в Оршанском Кутейнском монастыре 20 из 24 насельников обучались чтению и письму в домашних условиях, а монашеская община Бельничского монастыря состояла примерно в равных пропорциях из выпускников ЦПШ, городских и народных училищ. При этом уровень образованности послушников был выше, чем у монахов [4, лл. 23–40].

Ежедневные занятия монашествующих – послушания – в основном делились на богослужебные, административные и хозяйственные. Первая группа включала обязанность совершения богослужений и клиросное послушание, а также обязанности уставщика, регента. К группе административных послушаний можно отнести должности настоятелей, казначеев, благочинных. Хозяйственные послушания делились на обязанности по содержанию в порядке храмов и монастырского имущества (за это отвечали ризничии и церковницы) и работу по монастырском хозяйству. Многие монастыри обрабатывали значительное количество земли и содержали домашний скот. Например, Неклюдовский мужской монастырь в числе хозяйственного инвентаря имел современные модели хозяйственной техники: жатвенная машина «Любогрейка», сенокосилка «Геркулес», сеялка, конная молотилка, 13 плугов, 10 рабочих телег. При этом монастырь содержал 27 лошадей и более 60 голов крупного и мелкого рогатого скота [4, лл. 70–80]. Отдельно следует отметить работу сестер и братии в приютах и лазаретах. Например, сестры Буйничского монастыря несли послушание в епархиальном лазарете [4, лл. 129–139].

В первые послереволюционные годы при монастырях продолжали действовать социальные учреждения. Например, при Оршанском Свято-Успенском женском монастыре содержалась богадельня на 11 человек для неимущих вдов и нищих. В Неклюдовском мужском монастыре проживало на правах призреваемых 7 стариков и 5 детей, а также 30 человек указаны как «приемыши». При Могилево-Братском мужском монастыре функционировал приют трезвости. В женском Мстиславльском Тупичевском монастыре работала амбулатория для местного населения, при которой была бесплатная аптека для бедных. За 1917 г. амбулатория бесплатно обслужила 2700 человек. При этой же обители с 1915 г. действовал приют на 10 человек для дочерей увечных и погибших в Первой мировой войне

солдат [4, лл. 2–18, 70–80, 103–127, 146–161].

По-прежнему монастыри епархии не только служили для местного населения местами удовлетворения религиозных потребностей, но и оставались центрами поклонения особо чтимым святыням. Среди наиболее значимых и древних икон, хранившихся в мужских и женских обителях в этот период, следует выделить икону Пресвятой Богородицы в Могилево-Братском мужском монастыре, икону Божией Матери «Белыничская» в Белыничском Рождества-Богородичном мужском монастыре, Барколабовскую икону Пресвятой Богородицы в женской Свято-Вознесенской обители, а также явленные иконы Божией Матери в женском Мстиславльском Тупичевском монастыре, и икону святых Бориса и Глеба в Неклюдово. Икона Бориса и Глеба находилась в часовне, построенной у источника, освященного в их же честь. Ежегодно монашествующие совместно с местными жителями крестным ходом переносили чудотворный образ из часовни в монастырский храм, а через пол года – обратно. Эти дни были особо торжественными для верующих близлежащих деревень.

Таким образом, состояние монашеских общин Могилевской епархии в первые годы установления советской власти отражает общие для РПЦ результаты феминизации и «окрестьянивания» монашества в предыдущий период. Социодемографическая характеристика на данном этапе включает такие черты как численное превосходство проживающих в женских монастырях, более высокий уровень образованности насельников мужских монастырей, большая, по сравнению с женской частью, мобильность в выборе будущего места служения кандидатов на вступление в монастыри. Несмотря на изменившиеся социально-политические условия, монашеские общины оставались активны в своей хозяйственной и социальной деятельности.

1. Брыгадзін, П.І. Беларусь паміж Усходам і Захадам: Станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.) / П.І. Брыгадзін, У.Ф. Ладысеў. – Мн.: БДУ, 2003. – 307 с.

2. Довгялло, Н.В. Законодательство БССР по отношению к религиозным культам в 1919–1939 гг. / Н.В. Довгялло. // Другі міжнародны кангрэс даследчыкаў Беларусі: працоўныя матэрыялы. Том 2.– Kaunas: Vytautas Magnus University, 2013. – С. 80–84.

3. Кривонос, Ф. Белорусская Православная Церковь в XX столетии: спецкурс лекций для Минской Духовной Семинарии / Ф. Кривонос. – Минск: Врата, 2008. – 255 с.

4. Национальный исторически архив Беларуси. – Ф. 2301. – Оп. 1. – Д. 847: «Клировые ведомости монастырей гг. Могилева, Мстиславля и Орши и уездов Быховского, Гомельского, Могилевского, Сенненского и Чериковского за 1917 г.»

5. Первые декреты Советской власти. – М.: Политиздат, 1979. – 78 с.